

Выступление в прениях адвоката Анны Сердюковой

«Мне, как стороне защиты, хочется сказать следующее и верить, что вышестоящая инстанция, Апелляционный военный суд, подробнейшим образом изучил наши жалобы, жалобы наших подзащитных на приговор Южного окружного военного суда, дополнения к апелляционным жалобам, а также материалы уголовного дела для принятия справедливого решения.

Полностью согласна со всеми доводами, которые озвучил мой коллега Арсен Шабанов. В своем выступлении я хотела бы обратить внимание на следующее. Настоящее уголовное дело непосредственно касается того предмета и тех общественных ценностей, посягательство на которые должно шокировать любого человека. Но шокировать только тогда, когда в действиях преступников действительно имеются такие деяния, которые доказываются в соответствии с законом органами следствия и судом. В представлении большинства людей, обвиняемые в совершении терроризма и находящиеся на скамье подсудимых — осужденные, которые объединились, вооружились и решили убивать представителей власти, зачастую доведя свой преступный умысел до конца.

Но, давайте, уважаемые коллеги, посмотрим на наших подзащитных, из которых силовые структуры сделали террористов. Гаджиев Абдулмин Хабибович, журналист, семьянин, отец четверых детей. И то, что с ним сегодня делают силовые структуры — это плохой пример для таких понятий, как государственность, право, закон и правосудие. И очень трудно объяснить его детям, близким и всему населению Дагестана, которые выходят на одиночные пикеты в защиту Гаджиева, что задержание Гаджиева — оно вызвало широкий протест — является актом справедливости и законности со стороны государства.

Полностью также согласна с доводами коллеги Арсена Шабанова, что Южный окружной военный суд ухудшил положение обвиняемых по сравнению с тем, каким оно было при направлении дела в суд. Суд добавил дополнительный состав преступления, увеличив объем обвинения. То есть добавил ч.1 ст.205.1 с ч.3 ст.33 Уголовного кодекса Российской Федерации. Хоть суд и описал, что по этому мнению положение не ухудшается, но это ничем не обосновано, по нашему мнению — и согласиться с этим нельзя. При таких обстоятельствах в соответствии со ст.237 УПК суд должен был возвратить уголовное дело прокурору.

Как я упоминала в апелляционной жалобе, признавая виновным Гаджиева, суд принял во внимание показания Кемала Тамбиева, данные 14 июня 2019 года в ходе предварительного следствия в статусе подозреваемого, которые сторона защиты считает недопустимым доказательством в соответствии с положениями частей 1 и 2 статьи 55 УПК РФ, не могут быть положены в основу обвинения. Однако суд не принял во внимание и не дал оценку показаниям Тамбиева в суде первой инстанции, которыми не признал показания данные им на предварительном следствии.

Также обвинение посчитало Гаджиева причастным к деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, и с этой целью опубликовал в общественно-политической газете «Черновик» 26 публикаций.

Органы следствия даже не потрудились назначить проведение психолого-лингвистической экспертизы по данным публикациям, самонадеянно рассчитывая на то, что и так сойдет, а следователь Надир Телевов, который расследовал данное уголовное дело, на допросе в судебном заседании пояснил, что такие выводы он сделал сам по своему личному убеждению. Причем, не имея при этом специального образования в области психологии и лингвистики — поэтому у защиты возникают огромные сомнения вообще в профессионализме, в соблюдении закона. О чем может идти вообще речь, о соблюдении закона, если при таких обстоятельствах заместитель прокурора Республики Дагестан старший советник юстиции Абдулазизов утверждает эти обвинения? Проведенные по данному уголовному делу психолого-лингвистические экспертизы полностью опровергли доводы следствия и суд вынужден был исключить из обвинения Гаджиева указания на опубликование им в общественно-политической газете «Черновик» публикаций в количестве 26 штук.

Однако не поддается никакой логике вывод суда, основанный на предположении о виновности Гаджиева в организации финансирования терроризма путем взятия интервью у Ахмеднабиева, причем при этом он выполнял задание редакции — то есть это суд также не учел.

После этого интервью были опубликованы статьи под названием «Ислам — это не похороны и нашиды» 13 ноября 2009 года и «А для нас один день без воды — испытание» 7 мая 2013 года, которые также подлежали исследованиям в 3-х экспертизах, проведенных по делу. Одна из них заключение экспертов и две судебные экспертизы, в которых специалисты не обнаружили каких-либо признаков, связанных с террористической деятельностью. Но суд первой инстанции своим приговором, по нашему мнению, исковеркал доводы экспертиз и сделал выводы сам, также не обладая в этой области навыками психологов или лингвистов.

Делая из Гаджиева террориста, следствие посчитало, что не оставить финансовый след будет как-то неправдоподобно и неполноценно. И следствие нашло выход — это денежные переводы 23 и 26 декабря 2015 года в сумме по 8000 рублей Бекболатову, которые Гаджиев осуществлял для приобретения авиабилетов на имя своего родного брата Гаджи Гаджиева. Но Южный окружной военный суд в своем приговоре не привел достоверных и неопровержимых доказательств, свидетельствующих что данный денежный перевод был действительно направлен для нужд террористов, и сослался на приговор в отношении Бекболатова от 2 июля 2019 года, который осужден по ч.5 ст.33 и ч.1 ст.250.1 Уголовного кодекса Российской Федерации за пособничество в влечение лиц в совершение преступлений, предусмотренных ст. 208, 205.5, выразившееся в приобретении для 20 человек авиабилетов с целью прибытия на территорию Сирии. Ведь Бекболатов являлся руководителем туристической фирмы и

защита считает, что такой вывод суда основан исключительно на предположениях, поскольку данный приговор не подтверждает, что перечисленные Гаджиевым 16 тысяч направлены на финансирование терроризма или покупки вот этих вот авиабилетов для кого-то из этих 20 человек — данный эпизод никак не фигурирует в уголовном деле в отношении Бекболатова.

Оглашенному стороной защиты 12 января 2023 года протоколу опроса Бекболатова с приложениями, находящемуся в томе 39 листы дела 171-176, судом первой инстанции не дана оценка в судебном заседании. Сама по себе банковская операция на карте Бекболатова не может свидетельствовать об операции, направленной на финансирование терроризма. То есть если привести аналогию, пример для сравнения, можно обвинить невиновного в совершении терроризма путем покупки на колхозном рынке любого продукта, арбуза, например, у носителя ислама, расплатиться денежным переводом — и все, террорист готов, что есть остальное дело техники силовых структур.

Уважаемая коллегия, защита считает, что Гаджиев осужден из-за связи с деятельностью Ахмеднабиева, у которого он только взял интервью, выполняя свой журналистский долг. И в приговоре Южного окружного военного суда не содержится ни одного доказательства, которое прямо или косвенно подтверждало бы преступную деятельность Ахмеднабиева, доказательства его участия в террористических организациях, в каких-либо мерах по распространению его идей на территории Российской Федерации, его направленность на желание установить нормы шариатского правления на территориях северокавказских республик, где преимущественно проживают лица, исповедующие религию ислам. До настоящего времени Ахмеднабиев не признан виновным в совершении каких-либо деяний, связанных с террористической деятельностью, и в отношении него не вынесен обвинительный приговор. Доказательства обвинения, на которых основан приговор, в своей совокупности являются недостаточными — количество доказательств не перерастает в их качество. Несмотря на множество доказательств, большинство из них не подтверждают обвинения, а многие доказательства и вовсе являются неотносимыми.

Суд первой инстанции необоснованно предпочел доказательства обвинения, но не защиты. Доказательства обвинения недостаточны в своей совокупности. Доводы стороны защиты о недопустимости и недостоверности некоторых доказательств обвинения не получили должного рассмотрения, оценки и не были прокомментированы судом. В частности, защита указывала на недостатки следующих доказательств: показания Тамбиева от 14 июня 2019 года, показания свидетелей Ибрагимова, Штибекова, Папушиной, Джарбаева, Биярсланова, свидетеля под псевдонимом «Махачев», «Смирнов А.», «Джалилов М.М.», «Иванова Мария Сергеевна».

К сожалению в нашем уголовном деле доводы защиты судом проигнорированы, но защита считает, что мотивацию судьи Зубаирова в особом мнении, в котором имеется

юридическое опровержение вынесенного приговора, вышестоящий суд не может оставить без внимания.

Остальные доводы указаны в апелляционной жалобе и в дополнениях к апелляционной жалобе.

Защиту Абдулмумина Гаджиева я осуществляю с 2022 года по настоящее время. Я как защитник и просто как человек не перестаю задавать один и тот же вопрос: «Что могут чувствовать люди, которые причастны к таким обвинениям, зная, что невиновный человек получил 17 лет лишения свободы?». Просто не укладывается в голове, неужели честь мундира и пенсия равнозначны свободе человека или так обесценилась свобода человека?

Защита полагает, что невиновность Гаджиева Абдулмумина Хабибовича не должна вызвать у судебной коллегии сомнения. Прошу отменить приговор Южного окружного военного суда от 11 сентября 2024 года вынесенный в отношении Гаджиева, Ризванова и Тамбиева и оправдать Гаджиева за отсутствием события преступления по всем статьям».